

«ФИНСКИЙ ШАЛЯПИН»

Хозяин дома встретил нас шуткой: «Входите, пусть вас собака не смущает. Она уже отобедала, поэтому вы вряд ли ее заинтересуете». Так началось наше знакомство с финским оперным певцом-басом Мартти Талвелой.

Родился М. Талвела в 1935 году. «Мои родичи и по матери, и по отцу были крестьянами. И деды, и прадеды», — говорит М. Талвела. Да, то, что «весь наш род — крестьяне», заметно и по внешнему виду певца: статная, плотно сбитая фигура, рост около двух метров. Руки — такие бывают обычно у пахарей и скульпторов, людей напряженного физического труда. «Я начинал именно с труда», — замечает М. Талвела, как бы угадывая наши мысли. — Жили мы в Пюрво, небольшом городке на юге Финляндии. Я преподавал труд и пение в народной школе». Со временем пение стало захватывать Мартти все больше и больше. Он уже не столько преподает его детям, сколько занимается сам.

Первые уроки Мартти брал у финских преподавателей пения Х. Хейккиля и Т. Кайвола. «В 1959 году мне впервые в жизни довелось услышать оперу. В финском Национальном оперном театре выступал тогда замечательный русский бас Иван Петров, пел партии Мефистофеля и Бориса Годунова. Так был сделан выбор. Мартти переехал в Стокгольм. Здесь его учителем («у которого я научился исключительно многому», говорит М. Талвела) стал выдающийся тенор Мартин Беман.

Первое выступление М. Талвелы в опере состоялось в Хельсинки. Он пел партию Спарафучиле в опере Верди «Риголетто». Дебют прошел успешно, критики хорошо отзывались о молодом певце.

Начались выступления в Стокгольме в Королевской опере, которой нужны были басы. Затем — гастроль. Но была роль, однажды покорившая его и навсегда вошедшая в репертуар певца, в его жизнь. Это роль Бориса Годунова в одноименной опере Мусоргского.

«Я исполняю роль Бориса в первоначальной трактовке, то есть версию Модеста Мусоргского», — говорит М. Талвела. — Именно в оригинальной трактовке я пел Бориса в Мюнхене, Сан-Франциско, Нью-Йорке, в других городах. В год я пою Бориса раз 10—12 на русском, финском и немецком языках. Считаю, что трактовка Мусоргского единственно верная. Это современная музыка, это музыка сегодняшнего дня».

Рассказывая, М. Талвела как-то преобразается, «уходит в образ». Взор его становится задумчивым. Разглаживая уже седеющую пышную бороду, певец продолжает: «Борис — сильный, властный человек. Он чувствует свою силу, он умеет управлять государством». Неожиданно полился чистый, густой, сильный бас. «Шестой уж год я царствую спокойно...», — поет М. Талвела. В комнате стало как-то тесно, сразу представилась сцена, грузная

фигура царя... «И в то же время, — говорит, помолчав, наш собеседник, — его мучит сознание, что он виновен в убийстве царевича Дмитрия. В его больном воображении возникают картины смерти мальчика. Мусоргский наделил Бориса совестью, заставил его мучительно переживать, страдать. Таким я его и исполняю».

Большой популярностью пользуются выступления М. Талвелы в Финляндии на традиционных оперных фестивалях в городе Савонлинна, художественным руководителем которых он является. Случилось так, что летом прошлого года перед спектаклем у певца сильно заболела нога. Превозмогая боль, сменив костыли на царский посох, он все-таки вышел на сцену и блестяще спел партию Бориса.

На западе известного певца часто называют «финским Шаляпиным». «Шаляпин был большим художником слова», — говорит М. Талвела. — У меня есть все его пластинки. Я знаю, что меня называют «финским Шаляпиным», однако считаю, что Федор Иванович был единственным в своем роде и никакого певца сравнивать с ним нельзя». В настоящее время М. Талвела спел почти все из репертуара басов. Кроме любимой партии Бориса, певец с удовольствием поет Досифея в опере Мусоргского «Хованщина», которого, по его словам, он открыл для западной публики. По предложению М. Талвелы эта опера была поставлена на русском языке в Гамбурге с участием лучших певцов. «Один из крупнейших современных басов — Николай Гяуров из Болгарии», — говорит М. Талвела, — пел Ивана Хованского, прекрасный тенор из Польши Вацлав Осланд — партию Андрея, видная меццо-сопрано из Вены Христа Людвиг пела Марфу, а я — Досифей. Эта роль будет в моей программе до конца моих дней. В течение ближайших 5—6 лет опера будет поставлена по крайней мере в трех крупнейших оперных театрах».

«Я очень люблю Мусоргского, его оперы, цикл «Песни и пляски смерти». Отдельные произведения этого цикла постоянно в моем концертном репертуаре, как и романсы Рахманинова», — замечает М. Талвела. Он показывает нам партитуру оперы «Борис Годунов», всю испещренную пометками, подстрочным переводом. «Я сам проработал, перевел от начала до конца все партии», — говорит певец и неожиданно переходит на русский язык. «Ваш язык очень красив, выразителен. Я с удовольствием пою на русском языке, читаю. Вот только разговорной практики не хватает», — с сожалением отмечает М. Талвела. В большой библиотеке певца мы увидели солидный «русский раздел» — здесь стоят томики сочинений Толстого, Достоевского, Чехова, Тургенева.

«Наши страны, — говорит наш гостеприимный хозяин, — связывают давние узы дружбы, прочные отношения в области культуры. Финский драматический театр

испытал значительное влияние режиссерских традиций советского театра. Произведения Чехова, Горького и других русских и советских писателей в Финляндии очень популярны. Благоприятно воздействовало наше оперное искусство и на развитие оперы в Финляндии. Западному зрителю хорошо известны великолепные артисты вашего Большого театра, Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова, других советских коллективов. Именно такие театры создают подлинные традиции в искусстве. У вас есть прекрасные оркестры, дирижеры, певцы. Я убедился в этом во время моего визита в Москву, где я был лет десять назад, и убеждаюсь в этом каждый раз, когда встречаюсь с советскими коллективами и исполнителями за границей. У меня есть мечта — пригласить на оперный фестиваль в Савонлинну в 1977 году Симфонический оркестр ленинградской филармонии с дирижером А. Янсонсом, известных советских солистов. Я хотел бы создать своеобразную ось сотрудничества: Савонлинна — Ленинград. Это было бы полезно для дальнейшего развития наших добрососедских отношений».

Мы встали, подходим к окну. Открывается замечательный вид на озеро. «Здесь я люблю ловить рыбу, отдыхать», — продолжает М. Талвела. — Но это случается редко, все не хватает времени. Приходится много работать, выступать. Сейчас я пою 55—60 раз в год. Это много. Хочу ограничить количество выступлений. Кроме того, надо выпустить несколько пластинок, например, записать «Бориса Годунова», некоторые арии. Надеюсь, что когда-нибудь смогу спеть в Большом театре или в Ленинградском имени Кирова какую-либо значительную партию. Мне надо работать и в связи с фестивалем в Савонлинне. Этим летом я буду там пять раз Бориса, два раза в «Реквиеме» Верди.

Таковы некоторые планы певца. Он разговаривает с нами, ласково поглаживая вырезанную, точнее, как бы выдавленную из дерева какой-то огромной силой ласточку. Она как живая. Того и гляди вспорхнет и улетит. «Свободное время, если таковое появляется», — говорит жена певца Анна, — он стремится провести за верстаком. Все вырезает, что-то мастерит». В Савонлинне в 1977 году М. Талвела предполагает петь партию Пааво Руотсалайнена в новой опере на народные темы финского композитора, академика Йонаса Кокконена «Последние искушения». Премьера оперы уже состоялась в Хельсинки. Профессор Э. Таваштерна писал, что «исполнение М. Талвелой роли Пааво Руотсалайнена забываемо — так же, как забываемо его исполнение партии Бориса Годунова». Образа, захватившего певца раз и навсегда.

Н. ГОРБУНОВ,
В. ДОДОНОВ,

корреспонденты ТАСС —
специально для «Советской культуры».

ХЕЛЬСИНКИ.